

Алексей Осипов

РАДУЙСЯ!

Алексей Осипов

Радуйся!

«Издательство «Перо»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Осипов А. А.

Радуйся! / А. А. Осипов — «Издательство «Перо», 2023

ISBN 978-5-00218-524-5

Перед вами - необычная книга. Автор при помощи аллегории и фантастики, где-то с юмором, а где-то с сарказмом и одновременно предельно реалистично пишет о событиях, произошедших в разное время и в разных местах: в блокадном Ленинграде в годы Великой Отечественной войны, в лихих девяностых, в терзаемом укронацистами Донцке или даже в далёком будущем. Это своеобразная переключка поколений. Поколений победителей. Сборник рассказов адресован всем тем, для кого любовь к Родине, необходимость в любое время защитить её - не просто громкие слова, а жизненное кредо, руководство к действию.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00218-524-5

© Осипов А. А., 2023
© «Издательство «Перо», 2023

Содержание

Радуйся!	7
Медведь	9
Скоро всё кончится	12
Мой друг Слава Щукин	16
На плечах	22
Сочинение ко дню Победы	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алексей Осипов
Радуйся!
Сборник рассказов

* * *

© Осипов А. А., 2023

* * *

Радуйся!

РАДУЙСЯ, потому что Русских стало на ШЕСТЬ МИЛЛИОНОВ БОЛЬШЕ, а то и на все ДЕСЯТЬ.

РАДУЙСЯ, что исконно Русские земли после почти ста лет мытарств вернулись ДОМОЙ! И это только начало.

РАДУЙСЯ, потому что мы пережили самые, может быть, трудные и опасные времена для нашей Родины. Эти девяностые. И эти все 30 лет.

РАДУЙСЯ, потому что ты помнишь Великую страну, которой больше нет.

РАДУЙСЯ, потому что ты видишь новую, рождающуюся на твоих глазах, Великую страну.

РАДУЙСЯ, потому что это всё та же страна. Это всё та же твоя Родина.

РАДУЙСЯ, что закончились времена неопределённости, растерянности, ползучего и липкого предательства.

РАДУЙСЯ, что ты больше не должен смотреть, как остатки твоей некогда Великой страны, твоей земли, раздирают на куски, как шакалы, местечковые князьки, объявившие себя правителями и историческими деятелями.

РАДУЙСЯ, что твоя страна больше не вынуждена унижаться и чего-то просить.

РАДУЙСЯ, что больше не могут заходить в неё иноземные «учителя», как к себе домой.

РАДУЙСЯ, что, наконец, сбежала отсюда вся эта сволочь, считавшая себя элитой.

РАДУЙСЯ, что страна твоя больше никому ничего не должна.

РАДУЙСЯ, что она снова стала способна на такие великие стройки, преобразования и свершения.

РАДУЙСЯ, что ты можешь гордиться, что ты Русский, так же, как мог когда-то гордиться тем, что ты Советский.

РАДУЙСЯ, что ты дожил до этого времени.

Что всё это уже начинается и есть.

А ты ещё жив.

И видишь всё это.

РАДУЙСЯ, что дети твои и внуки будут, всё-таки будут, жить по-человечески.

Так, как ты всегда хотел.

РАДУЙСЯ, что ты поумнел после всех чудовищных обманов, свалившихся на тебя один за другим, и наконец смог извергнуть из своих глубин человека, который изменил всё и спас всё!

РАДУЙСЯ, что это ты его выбрал! Ты его поддержал и продолжаешь поддерживать!

РАДУЙСЯ, что на самом деле это ты всё изменил.

Что хватило у тебя ума и терпения.

Пусть и через ошибки и страдания!

РАДУЙСЯ, что это ты!

И что ты – Русский!

РАДУЙСЯ тому, что Родина возвращает себе своё! Свою землю!

Нашу!

РАДУЙСЯ, что она побеждает!

РАДУЙСЯ, что освобождён Мариуполь!

РАДУЙСЯ, что в этот раз, на этом витке истории, Россия оборвала этот порочный, губительный для себя круг, эту извечную судьбу, Рок, когда принимала каждый раз смертельный, проникающий удар до самого сердца, до

Москвы, и теряла генофонд своего народа, умываясь кровью. Радуйся, что всё изменилось. И судьба изменена.

И Рок не властен. Что в этот раз она ударила первой, не дожидаясь истребления своего народа, как это было всегда.

РАДУЙСЯ всем нашим победам! И большим, и маленьким!

РАДУЙСЯ победам наших воинов!

РАДУЙСЯ, что есть такие люди в твоём народе!

И их большинство!

И ты один из них!

Радуйся.

РАДУЙСЯ, что весь мир возненавидел тебя!

РАДУЙСЯ, потому что твой Бог, который всегда был с тобой, так и сказал:

«Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел»

РАДУЙСЯ, потому что Родина твоя не начинает войн, она их заканчивает!

РАДУЙСЯ тому, что сказано об этом: «Блаженны миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся».

РАДУЙСЯ, что ты остался верен себе и своим предкам.

РАДУЙСЯ, что Абсолютное зло восстало против тебя!

И значит ты на правильной стороне.

Радуйся...

Потому, что ты это заслужил.

27.05.2022 – 30.09.2022

Эти тексты были написаны в разное время, при разных обстоятельствах и по разным поводам.

Поэтому их довольно трудно было собрать во что-то единое. В одно целое.

Разные они и по стилю, и по языку, и по настроению, и по структуре. Да и по жанрам тоже.

Но есть нечто общее.

Общее для всех нас.

Это – время.

И, конечно, ключевым во всех них является дата.

Дата, когда они были написаны.

Иногда она говорит о содержании больше, чем сам текст.

И хотя они не выстроены хронологически, я попытался.

Попытался высказаться.

Высказаться о времени и о временах, в котором и в которых, довелось жить.

Жить всем нам.

Не скрою, что тексты эти «опробованы» на довольно большом количестве читателей.

И я надеюсь, что они нужны не только тем, кто их уже прочёл не один раз, но и тем, кто их прочтёт впервые.

По крайней мере, здесь есть возможность выбирать, что читать и перечитывать, а что нет.

В отличие от времени.

От времён.

Которые, как известно, не выбирают.

Не выбирают для того, чтобы в них жить.

Медведь

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК ЖДЁТ.

Русский человек – ждёт...

Он молчит.

Он просто смотрит. И вспоминает.

Боль в душе его уже почти утихла.

Боль бесконечных войн.

Боль тревог.

Он больше не способен на безумие гражданской войны.

Он помнит этот грех.

Он всегда знал, что это – грех.

Он не хотел этого.

Его заставили.

Заставили, убедив, что он плохой.

Что живёт он не так.

Что всегда был не такой.

Что именно он сам во всем виноват.

Это было так свойственно ему – обвинить во всём себя.

И только себя.

Но сейчас боль эта утихла.

Он осознал, что виноват не больше, чем другие, и примирился с собой.

Даже когда на него нападали и причиняли невероятную боль, он отчасти и себя считал виноватым.

Он не раз ставил их на место.

Он жалел о том, что приходилось делать.

Он жалел и их.

Он рыдал над сожжённым своим домом и кормил их кашей из походной кухни.

И плакал о них тоже.

Он спасал их от самих себя.

Не думая о себе.

Он спасал их детей.

А они всё забывали.

Снова и снова.

И опять старались доказать ему, что он не такой.

И он соглашался, потому что был добр.

Он не думал о себе много.

Он вообще редко думал о себе.

Когда им в очередной раз удавалось его убедить, что он плохой, что он не такой, они с радостью по привычке надевали ему на шею цепь и заставляли танцевать, обматывая цветастыми цыганскими тряпками, надевая на голову терновый венок и вливая ему в горло водку.

Они веселились.

И, напившись пьяно, он под конец дирижировал оркестром, не помня себя, только бы все были счастливы.

Каждый раз, когда они доходили в своем безумии до исступления, нужно было, чтобы кто-то умер за них.

И это всегда был он.
Больше некому было.
И он соглашался. Потому что был добр.
И считал себя хуже, чем они.
Он соглашался, сдирая с себя цепь и эти лоскутья.
Он вставал на дыбы.
Он уже не был смешным.
Но и страшным он не был.
Просто они боялись его. Боялись, что он припомнит им цепь.
Припомнит их издевательства. Припомнит своё унижение.
Но он молчал.
И от того им было ещё страшнее.
Они ненавидели его. Ненавидели за его доброту.
За силу.
За то, что он их спас, ненавидели.
За то, что он не такой, как они.
А он жалел их за эти их мучения. И считал себя виноватым отчасти.
И они снова начинали его убеждать, что он хуже их всех.
Только так они могли заглушить свою совесть.
Только так они могли жить дальше.
И всё повторялось снова и снова.
Но сейчас он просто ждал.
И молчал.
Он даже не шевелился.
Они, как и раньше, кричали и прыгали вокруг него.
Кривлялись и строили гримасы. Они улюлюкали и бесновались. Они махали рогатиной
и целились в него из ружей.
Они водили перед его глазами руками, чтобы проверить, не спит ли он.
Они что-то кричали.
Но боялись к нему прикоснуться.
Он молчал.
И даже не шевелился.
Он ждал.
Он вспоминал те немногочисленные времена, когда он мечтал.
Он умел это делать как никто другой.
У них у всех была своя мечта.
У кого американская.
У кого немецкая.
У кого голландская.
У каждого своя.
И их мечты были не похожи на его.
Они даже не знали, что она у него тоже есть.
А у него была мечта – мечтать.
И он всегда хотел, чтобы его просто оставили в покое.
И не мешали мечтать.
Он поумнел.
Он потерял много крови.
Он знал, что будет дальше.
Их мечты умирали.

Они всё быстрее и быстрее плясали вокруг него.
Они были в отчаянии.
Они боялись и ждали, что он шевельнётся.
Но он больше не желал учувствовать в этом шабаше.
Он больше не хотел умиротворять их своим унижением.
Он больше не хотел умирать за них.
И не хотел спасти их от самих себя.
Он не стал злым.
Он остался добрым.
Он просто ждёт.
Когда они дойдут до исступления и упадут на землю, потеряв последние силы глумиться.
А он шевельнётся, и земля содрогнётся.
Он просто встанет в пустой тишине и возьмет своё.
И будет наконец спокойно мечтать.
Мечтать – целую тысячу лет.
Так, как никто не умеет.
Как умеет один он.
Он это заслужил.
«Проклятый», тысячелетний медведь.
Он просто – ждёт.

01.03.2021

Вот так тогда писалось. Такое было обобщение всего.

И ощущение.

Ощущение, что скоро...

Скоро ОН шевельнётся...

Скоро всё кончится

Было сыро. Но надо было поспать.

Сергей протиснулся между нарами и полез наверх. Там было не так удобно, но было спокойнее. Он уткнулся взглядом в доски и земляной потолок.

«Если прилетит, пока буду спать, то и хоронить не надо. Уже в земле», – думал он.

И отчего-то эта мысль его успокаивала.

Он не боялся смерти, как тогда, семь лет назад. Просто не хотелось умирать во сне.

Как-то несправедливо это казалось. Лучше в бою.

Он устроился поудобнее. Автомат положил рядом. Он привык не выпускать его из рук. Даже когда спал.

«Надо уснуть, пока обстрел не начался. Потом не дадут», – подумал он.

Но спать не хотелось...

Семь лет войны. И конца ей не видно. Вчера опять убили мирных. Пятилетнего ребёнка.

Мысли Сергея уходили всё дальше в прошлое.

Он вспомнил, как работал на шахте. Как давно это было. В другой жизни. И было ли вообще? Туман какой-то.

Он представил жену. В том платье, как тогда, когда он ей делал предложение.

Увидит ли он её ещё?

А может, сейчас заснёт и останется здесь навсегда.

Вдруг он услышал какой-то странный звук.

Что-то тихо позвякивало. Был слышен глухой топот.

Возникла тревога. Звук был незнакомый.

Он резко собрался и через секунду был уже в траншее.

Стараясь не высовываться, стал осматриваться.

Над полем стелился густой туман.

Вдруг он явственно почувствовал, что за спиной, со стороны тыла кто-то есть.

Он резко повернулся и передёрнул затвор, готовый стрелять.

Перед ним на краю траншеи возвышалась фигура.

Всадник на огромном коне.

Лица всадника было не разглядеть.

Он молча возвышался над ним, утопая в клубящемся тумане.

Сергей протёр глаза, не опуская автомат и пристально вглядываясь в незнакомца.

– Ты кто? – растерянно спросил он.

Незнакомец молчал. Чувствовалось, что он пристально смотрит на Сергея, но лица незнакомца не было видно.

Всадник пришпорил коня, и тот с легкостью перескочил через траншею.

От неожиданности Сергей опустил автомат и проводил незнакомца взглядом.

Тот остановил коня на противоположной стороне траншеи.

Вдруг раздался гул.

Земля задрожала.

Откуда-то со стороны тыла нарастал дикий топот копыт. Он приближался.

Ничего не было видно. Только слышался гул. Он становился всё ближе и ближе. И, наконец, из тумана стали выскакивать фигуры всадников.

Они появлялись меньше чем на секунду перескакивая через траншею и снова исчезая в тумане.

Их были сотни.

А, может быть, тысячи.

Сергей увидел, как по всей длине траншеи, насколько было видно, мелькают фигуры, перемахивая через препятствие и уносясь в туман. Туда, где был противник.

Это продолжалось несколько секунд.

Затем топот стал удаляться и был едва слышен.

Только первый всадник оставался на месте всё это время.

На голове его что-то сверкнуло. «Шлем, что ли? Или каска?» – подумал Сергей.

– Владимир, – вдруг произнес незнакомец, взнуздая коня и растворился в тумане вслед за остальными всадниками.

Сергей смотрел ему вслед.

Он был так ошарашен, что даже забыл, что работают снайперы.

«Странно. Там же мины. Почему не слышно разрывов?»

Он оглянулся по сторонам. «А где все? Где пацаны?»

«Что происходит? Почему так тихо?»

Тишина наступила звенящая. Странная тишина.

И вдруг сзади совершенно бесшумно из тумана возникла цепь из людей.

Они шли почти ровно. Синхронно, перепрыгивая через траншею и удаляясь в туман.

Туда, в сторону позиций противника.

Двое обошли его по бокам и тоже перепрыгнули через траншею.

Сергей не выдержал и почти крикнул:

– Вы откуда?!

Оба обернулись к нему.

Один приложил палец к губам. На них были каски и плащ-палатки. Под плащами – наперевес автоматы.

Один сказал:

– От Ленинграда.

Другой сказал:

– От Москвы.

– Что пешком? – спросил Сергей почему-то. Хотя хотел спросить о другом.

«Кино, что ли, снимают?» – подумал он.

Один присел на корточки перед ним. Стала видна гимнастёрка. На ней сверкнули медали и орден Красной Звезды.

Он сказал:

– Браток, дай закурить.

Сергей машинально достал пачку сигарет и протянул её. Солдат взял сигарету, улыбнулся, подержал, словно показывая, и сунул её за ухо. Отчего-то лицо солдата показалось Сергею знакомым. Но он не мог вспомнить, где его видел.

– Скоро вся Россия поднимется. Скоро всё кончится, – сказал солдат тихо и весело. Затем поднялся, и они с товарищем пошли догонять своих, растворяясь во мгле.

– Вы куда?! – заорал Сергей. – Нельзя! Назад! Покосят же всех!

Опять стало тихо.

Только туман клубился над полем, медленно и загадочно.

– Серёга! Серёга! – кто-то тряс его за плечо. – Просыпайся. Ты чего разоспался, кабан! Это был Тунгус.

Сергей с трудом очнулся.

Перед глазами были всё те же доски, укрепляющие потолок блиндажа.

По-прежнему пахло сырой землёй.

Он повернул голову, посмотрел непонимающим взглядом на Тунгуса и стал сползать с верхней полки.

Сел на нижнюю. Поставил рядом с собой автомат. Зевнул.

Тунгус уселся напротив. Было видно, что он возбуждён и весел.

– Что, обстрела не было? – спросил Сергей, приходя в себя.

– Сегодня нет, – ответил Тунгус. – Зато у этих там что-то произошло. – Тунгус кивнул в сторону противника.

– Что? – насторожился Сергей.

– Нет их никого, – улыбнулся Тунгус.

– Как это нет?

– А так. То ли их покосил всех кто-то. То ли сами ушли. Пока непонятно. Разведка разбирается. Оружия там брошенного немеряно. Ребята шутят, что драпанули они до самых Карпат. – Тунгус засмеялся. – А ещё разведчики на той стороне какого-то чела встретили. На коне. Говорят, Князь его звать. Ты не слыхал такой позывной?

Сергей поднял глаза на Тунгуса. Потом опустил в землю и как бы сказал про себя:

– Владимир...

– Какой Владимир? – удивился Тунгус. – Серёга, ты чего, не проснулся, что ли?

Сергей резко встал и вышел в траншею.

Было свежо. Раннее утро.

Он высунулся и стал вглядываться в туман, который уже сильно рассеивался.

Он представил себе всадника. И теперь отчётливо помнил, что на том были шлем и кольчуга. Он был в красном плаще. И меч на поясе.

Потом вспомнил солдата, которому дал закурить. И понял, что это был его дед.

Точь-в-точь, как на той фотографии, которую разглядывал с детства.

Сергей глубоко дышал весенним утренним воздухом. И бесстрашно вглядывался туда, где рассеивался туман. Туда, где враги.

За линию соприкосновения.
За линию фронта.
Он отчётливо понял, что увидит жену.
Он вернётся.
И на шахту вернётся.

– Скоро всё кончится, – сказал он вслух, выдыхая холодный воздух. – Скоро всё кончится...

Было очень тихо.
Туман окончательно рассеялся.

07.04.2021

Мой друг Слава Щукин

– Вся стена в фотографиях Гребенщикова! – сказал я, заходя в комнату.
– Везде Боб! – констатировал Андрюха.
– И там Боб. И там. Ну ваще, Славик! – я посмотрел на Славку и широко улыбнулся.
– И там в углу – ма-а-аленький Бобик, – заключил Андрюха, и мы все весело расхохотались друг над другом.

Славик, пытаясь сохранить серьёзность, насупившись, сказал с напускной обидой:

– Это не бобик. Это Борис Борисович!

Мы любили пошутить над Славкой. Он не обижался. И отвечал нам тем же.

Мы пришли к Славику домой.

Шёл 1989 год.

Мы, трое, только поступили в электротехнический институт. И только познакомились. Специальность – физическая электроника.

Чистая наука, как говорил мой брат, который закончил этот вуз точно по этой же специальности.

Я спрашивал: почему?

А он отвечал: «Потому, что ты никогда не увидишь и не потрогаешь те вещи, которые вы будете изучать. Как там этот электрон летает и вокруг чего он летает? Чистая теория!»

Говорил он это, конечно, с иронией.

Мы, все трое, новоиспечённые студенты, почему-то сразу сблизились. Сблизились так, как могут только люди в восемнадцать лет. Без корысти. Без оценок друг друга. Без каких-то характеристик.

Мы сразу стали какой-то отдельной троицей на курсе. Андрюха. Славик. И я.

Мы не расставались после лекций. Нам было интересно и весело вместе.

Мы всегда находили, куда пойти и чем заняться.

Вместе.

Мы дружили.

Как три мушкетёра.

И нам это нравилось.

Мы были счастливы. Хоть тогда этого и не знали.

И вообще не знали, что можно быть счастливым и несчастливым.

То есть нам казалось, что мы знаем. И ко всему готовы. Как могут быть в этом уверены люди только в восемнадцать лет.

Просто в этот раз мы пришли к Славке домой.

Не помню, может, это был первый раз, может, нет.

Память сохранила именно этот фрагмент.

Эту квартиру.

Славкину комнату.

Стену, увешанную разнообразными фотографиями Гребенщикова. Напечатанными на фотобумаге.

Тогда ещё не было всей этой техники для воспроизводства изображений. Поэтому каждая фотография была отпечатана отдельно. С негатива. Так, как будто обладатель фотографировал сам.

Они продавались на чёрных рынках. Не помню уже, почём. Но это был очень прибыльный бизнес.

В углу на кресле стояла Славкина гитара. Он неплохо играл. Писал собственные песни. Стихи.

Андрюха тоже умел играть.

Не умел один я.

Друзья пытались приобщить меня к этому делу но я подчёркнуто давал понять, что я безнадёжен.

Вообще мы были очень разными.

До сих пор не понимаю, почему они выбрали меня.

Может, потому, что я единственный из нас троих умел профессионально драться. Занимался подпольно кунг-фу. Может, потому, что у меня у единственного из нас троих была девушка.

Может, потому, что я не был технарем по природе своей и меня всё тянуло поговорить о Достоевском.

Да и в математике и физике я сильно отставал от них.

Меня интересовало что-то другое. Но я тогда не знал, что именно.

Славик был талантлив во всём. Несмотря на то, что в нём явно присутствовало гуманитарное, творческое начало, он, в отличие от меня, сдавал все экзамены на пять. По абсолютно не гуманитарным наукам.

При этом он производил впечатление молодого жизнерадостного разгильдяя. Прогуливал лекции. Не готовился к экзаменам.

Однажды произошёл курьёзный случай.

Сдавая экзамен, Славик доказал теорему не так, как это было принято. Получил два. Единственный раз.

Разразился скандал.

Потому что оказалось, что доказал он её правильно. Только несколько длиннее, чем было надо.

Не готовился. Гуляли мы накануне.

В институте возник большой спор между серьёзными дядьками, какой оценки он достоин.

С одной стороны, понятно, что он не учил и не готовился, с другой, он прямо на экзамене повторил подвиг того великого человека, который её доказал. Практически гений, выходит.

Что-то подобное с ним случалось часто.

Его отец был видным учёным и директором крупного питерского радиоэлектронного завода.

Он ездил за границу на всяческие научные конференции и симпозиумы.

Поэтому у Славки были некоторые вещи, которых не было у нас. Например, видик. И первые фильмы, которые впоследствии оказали на меня огромное влияние, мы посмотрели у него.

Вообще мы были умные ребята. И кино смотрели серьёзное.

Да и всё остальное, понимаю это сейчас только, было важным. Стоящим.

Наверное, мы были последним поколением, которое по-настоящему, от начала до конца, воспитала та, Великая страна. И как венец этого воспитания, мы были наиболее прогрессивными по сравнению с нашими старшими братьями. И наиболее думающими. Думающими свободно.

И хорошо воспитанными.

Но... мы всё-таки были дети.

Мы всё ещё были дети.

Что-то надвигалось.

Что-то происходило.

89, 90, 91-е годы.

В силу того, что мы были воспитаны в благополучных семьях и благополучной страной, мы воспринимали происходящее – всё к лучшему. Поскольку не знали другого.

Не знаю, что бы было, если бы успели повзрослеть и уже могли бы влиять на ситуацию в стране.

Но... этого было не дано.

Нас воспитывали и готовили к одной жизни, а досталась совсем другая.

Но тогда мы этого не знали.

И были счастливы.

Жизнь начиналась.

Прекрасная жизнь. Замечательная...

Первого января 1992 года раздался звонок. Звонил ещё один наш друг.

Он сказал: «Ты знаешь, что у Славки был пожар?»

Я ответил: «Нет».

Он повесил трубку.

Я не понял ничего.

Я только потом понял, что он смалодушничал в этот момент.

Я перезвонил ему и спросил: «Ты ему звонил?»

Дальше была пауза... и слова, которые я запомнил навсегда:

«Лёша... они умерли. Все».

Что было дальше, я не помню. Говорят, что я кричал и рыдал. Меня держали.

Видимо, мой молодой мозг был не в силах воспринять то, с чем ещё не сталкивался никогда.

Потом были похороны.

Пышные.

Хоронил весь завод.

И институт.

Ведь отец был очень известным человеком.

История была представлена так: ну, Новый год. Выпили люди. Праздновали. Уснули. И случился пожар.

Несчастный случай.

Погибли отец, мать, Славик. Младший брат по случайности отмечал с одноклассниками. Остался жив.

Хоронили в закрытых гробах. Море цветов и венков.
Мороз градусов двадцать пять.

Мы стояли, как-то сбившись в кучку. В стороне.
Взрослые кивали в нашу сторону и о чём-то переговаривались.

Слёзы текли сами и тут же замерзали на щеках.
Помню, когда автоматчики дали залп салютом над могилой, я оглох. И как-то совсем перестал что-либо чувствовать.

Тогда я этого не понял.
Но это был рубеж.
Жизнь разделилась в моей памяти на «До» и «После».

Что было потом?
Я редко об этом пишу.
Почти никогда.

Голод. Разруха. Бандиты. Стрелки. Желание выжить. Бабки. Проститутки. Стрельба. Гниение и разложение всего. Смерть. Отчаяние. Абсолютное отчаяние. Отчаяние Ада...

И я посреди всего этого.
Или уже не я?

Смутно.
Потому что не люблю вспоминать.

Через несколько лет мои родные признались мне, что в газете, да и везде, была информация о том, что это было первое заказное убийство.

Мы и слов-то тогда ещё не знали таких – «заказное убийство». Оказалось, что отец Славика отказался превращать завод в акционерное общество. Настоящий «красный директор».

Вряд ли он думал, что это серьёзно и что из-за этого могут убить. Ещё не настали те времена.

Тогда я понял, почему он не смог открыть входную дверь. И задохнулся прямо возле неё. Почему Славик висел на раме окна седьмого этажа, пока не сорвался вниз. Дверь невозможно было открыть.

Новогодняя ночь.
Наступил 1992 год.
Не рассказали мне всё это мои домашние, потому что пожалели.
Скрыли это всё.
И газету ту.
Да и всё другое.

Но к тому моменту, когда рассказали, я уже был другим человеком.

Меня уже ничего не задевало.
И я не плакал.
Я был уже очень жесток. Как была жестока окружающая меня действительность.

Я изменился.

И после 90-х менялся ещё не раз, как любой человек, проживающий жизнь.

Я никогда не писал о них.
Об этих годах.
О девяностых.
Но всю жизнь собираюсь.
Мне есть что сказать.

Я считаю, что по-своему мы уникальное поколение. Единственное.
До сорока лет мне казалось, что вся эта несчастная жизнь бесконечно исковеркана.
Но спасло меня моё знание о жизни своих предков.
О войне.
Про каждого.
В деталях.
И, сравнивая наши судьбы, я понял, что жизнь не исковеркана.
Она просто – жизнь.
Такая, какая досталась.
А вот поколение моё... Исковеркано.

Одна моя близкая подруга в соцсетях на мои извечные вопросы: «Зачем я пишу здесь? И чего хочу добиться? Что изменится от того, что я пишу? И о чём я?» – однажды ответила: «Вы один из немногих, кто „тащит“ на себе Ваше поколение».

Вот так...

Может быть... может быть...

Фраза меня эта поразила.
Не знаю.
Может, это и так.

Но как ташу?
Где ташу?
Куда ташу?

Не знаю.

Вот и сейчас, пишу это всё... и ташу...

Просто, может, мне было бы легче, если бы нас осталось в живых больше.
Во всяком случае, Славик бы мне точно помог.

Ведь он был мой друг...

Однажды, лет двадцать спустя, он мне приснился. Единственный раз. Повзрослевший, соответственно возрасту.

И сказал, что он жив.

А это всё была программа защиты свидетелей.

Не пожелал бы это пережить никому. Даже во сне.

Я и плакал. И обнимал его. И ненавидел за то, что за столько лет он не дал мне знать, что жив.

Вот такой душераздирающий бред был во сне...

В сорок лет...

Я молюсь за него.

Да и за всех, кого потерял.

И за тех, кто со мной.

Мой друг.

Слава Щукин.

Надеюсь, ты слышишь меня...

У этого рассказа, у единственного, нет даты.

Дата может быть любая из этих тридцати лет. Я мог его написать, когда угодно.

Хоть на следующий день после событий, описанных в нём.

Хотя... Не мог.

Надо было прожить это всё.

На плечах

Сводки-сводки-сводки с фронта...

Я тут понял, что нам дано в микроскопических масштабах почувствовать то, что чувствовали наши предки в войну. Когда каждый день приходишь к репродуктору, чтобы услышать о том, что произошло на фронте. Как далеко отогнали немца? И скоро ли Победа?

Мучительно это и страдательно очень. Ничего не меняется... Бои местного значения...

А ты всё ходишь и ходишь... И ждёшь.

И терпишь. И работаешь. И голодаешь. И мёрзнешь.

И получаешь похоронки.

И длится это не месяц, не два. Годы.

Только вот последнее – не про нас.

И это – счастье.

Мы сидим на диване. В тепле. И смотрим новости по телевизору. Сводки с фронта...

Все мы помним, как в детстве жалели, что не застали то время. Что не помогли. Не били фашиста. Что не совершили подвиг.

Смешно и по-детски.

Но вот дано же нам почувствовать. В минимальном флаконе. Пробник такой.

И, тем не менее, многие из нас не выдерживают.

Срываются. «Почему так медленно?!» «Раздолбать всех и всё ракетами!»

Уже срываемся...

Так хочется выкрикнуть слово «ПОБЕДА!!!»

История, как известно, идёт по спирали. И вот она пришла в эту точку.

Точку, куда наши деды посадили нас на своих плечах.

Как тогда на параде, когда мы были маленькими.

И суть этой спирали заключается в том, что всё то же самое. Всё повторяется. Только по-другому. Несравнимо легче всё.

Чем становишься старше, тем больше осознаёшь то, что они для нас сделали. Проникаешься глубиной этого смысла. И благодарность возрастает до невероятных размеров.

Они не только вынесли на своих плечах самую страшную, самую чудовищную войну в истории человечества. Не просто дали возможность нам жить.

Не просто спасли...

Они вернулись с фронта и подняли лежащую в руинах страну, чтобы нам было где жить. Но и этого мало!

Они создали самое совершенное оружие, которое позволило нам так долго жить без войны.

Они дали нам право быть наследниками Победы.

Просто так. Без всяких на то наших усилий.

Гордиться. Быть свободными. И независимыми. Жить!

Невероятно!

Поистине – поколение Титанов.

Но вот история совершила свой круг.

Мы в той точке.

И можем это переживать и гордиться собой. Своей страной. Своей армией.

Без тех нечеловеческих усилий.

Но всё же нам дано. Дано почувствовать.

Примерить на себя.

Как тогда. В детстве. В мечтах.

У каждого поколения – своя война.

Да...

Всё почти как тогда.

Почти...

Мы до сих пор у них на плечах.

Даже сейчас.

Как тогда. В детстве.

На параде Победы, которую мы все сейчас так ждём.

31.03.2022

Сочинение ко дню Победы

На фото – мой дед.
Осипов Иван Дмитриевич.
Питерский рабочий. Коммунист.

Перед уходом на Финскую.
Вернулся с обморожением ноги. Работал мастером на заводе. У него была бронь по ранению и от завода.

Ушёл на фронт в первые же дни войны.
Погиб предположительно 4–5 августа 1941-го года.
Предположительно – возле деревни Теребутицы Новгородской области.
Немцы рвались к Ленинграду. Точное место захоронения неизвестно.

В шестидесятые годы стало популярно искать героев.
Однополчан.
Тётка написала в газету. Чтобы что-то выяснить.
Нашёлся однополчанин деда. Встретились.
Рассказал, что он его узнал по фотографии.
Что погиб дед геройски.
Что было окружение.
Что выполнил приказ.
Взорвал машину с боеприпасами, чтобы не досталась немцам.
Что думали, что его и самого убило. Но вечером того же дня однополчанин видел его в колонне отступающих.
Что шёл сам. Весь в бинтах. Вокруг глаз был гной.
Гангрена. Не жилец.
Поехали в эти Теребутицы. Там у братской могилы и обелиска были речи. Собрание.
Именем деда назвали класс в местной школе. Обещали вписать его имя в список имён на обелиске.

Только... бабушка... во всё это не поверила.
Единственное письмо от деда было из-под Тамбова, где формировалась часть.
Где Тамбов – и где Новгород? Разница в несколько дней.
Не поверила. Посчитала, что это всё кампанейщина.

А пару лет назад брат на 9-е мая прыгнул в свой джип, никому ничего не сказав, и поехал в Теребутицы. Позвонил отцу и сказал: «Пап, нет его здесь». Фамилии на памятнике так и не было.

Неизвестность...

Вот, собственно, и всё...
Только...

Кажется, в четвертом классе... Мы писали сочинение ко Дню Победы. И я из поколения мальчишек, воспитанных на фильмах о войне. На живых рассказах. Из поколения, которое

после этих фильмов ходило в атаку по ночам. И кричало во сне, закрывая деда собой. Написал в сочинении, что деду присвоили звание Героя Советского Союза. Посмертно.

Отца вызвала учительница: «Как же?! Мы ничего не знали!»
Отец всё объяснил.
Что у меня богатое воображение.
Учительница сказала: «Как же он мог???!»
Отец усмехнулся... и сказал: «Он сам ему звание присвоил!»

Мне должно было быть стыдно. Но почему-то не было.

Не написал я в том сочинении вот что...

За день до получения похоронки бабушка отвезла на кладбище маленький гробик. Умерла младшая, пятимесячная Дина. Впереди была блокада, которая началась уже 8-го сентября. У бабушки на руках оставались моя тётя и отец, которому было пять.

Впереди их ждал ад.
Но они этого ещё не знали...

Не знали, что бабушка практически смирится с тем, что они не выживут.

Что в первую, самую страшную осень и зиму не будет практически ничего. Даже пресловутых 125 граммов как бы «хлеба».

Что отец, шестилетний ребёнок, будет лежать один три дня (бабушка уйдёт рыть траншеи вокруг города) в замороженной большой комнате деревянного дома на Каменном острове.

Что комната эта будет залита невероятно ярким лунным светом.

Что он будет умирать.

И в свои шесть лет будет совершенно ясно это осознавать. Будет монотонно со скрипом хлопать и хлопать не закрытая дверь. И в какой-то момент... он каким-то чудом соберёт все свои детские силы... всё свое нежелание умирать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.